

НАШЕ МЕСТО

А. Левинтов

Вот и нашлось наше место в историческом строю Европы. Обидно, но мы – типичная страна 19-го века, если верить М. Дюверже: «Подобно тому, как опирающиеся на единственные партии современные диктатуры – не более чем отдаленное подобие личных или военных диктатур прошлого, точно так же и современные демократии, базирующиеся на плюрализме организованных и дисциплинированных партий, весьма отличны от индивидуалистических режимов XIX века, основанных на личной деятельности парламентариев, весьма независимых друг от друга».

В чем заключается историческая честность? – в отказе от формализма. Формально, по конституции 1936 года и в последующих модификациях, СССР – парламентская республика с коллективным главой государства (это при Сталине-то!), но ведь и Рим времен Цезаря формально – республика. И все это означает, что мы не должны слепо верить тому, что живем в президентской республике. Врать себе такое – «Богородица не велит», самим же лет через 200–300 стыдно станет. Впрочем, нам уже сегодня должно быть стыдно...

«Самое простое и самое реалистическое определение демократии следующее: режим, при котором правящие избраны управляемыми посредством честных и свободных выборов» – нечто подобное утверждает и Бурдьё, отделяющий делегирующих гражданские права от тех, кому эти права делегируются и которые производят некий политический продукт: идеи, проекты, программы, концепции, а также события, их анализ и комментарии к ним. Честность выборов заключается не только в отсутствии подтасовок, вбросов бюллетеней, использования черного пиара и административного ресурса. Честность выбора, прежде всего, в наличии политического проекта (обещания) и его реализации (выполнения) в случае победы. В этом смысле нам до демократии и честности еще шагать и шагать.

Пожалуй, институт «праймериз» и есть кардинальное отличие отече-

венной «демократии» от американской демократии, где партия в ходе предвыборов готовит меню из набора своих кандидатов, поступающих затем на стол избирателей как клиентуры. И тут, конечно же, вспоминается подлейшая и пошлейшая ситуация с «партией» «Наш дом – Россия», где первым номером шел Черномырдин, а вторым, на котором строилась вся рекламная стратегия выборной кампании, Никита Михалков. Когда Михалков исполнил свою роль, он просто «сошел с дистанции», оставив с носом всех тех избирателей-лохов, что клюнули на его киногеничность и популярность.

М. Дюверже пишет: «Когда таких предвыборов не существует, кандидаты выдвигаются руководителями партии с помощью техники родственной кооптации.», но это не совсем точно. Во-первых, не только родственной кооптации, но и клановой, тейповой (родовой), земляческой. При этом, разумеется, этот фаворитизм может не иметь традиций, как, например, в США (на нашей памяти только два таких громких случая: семейство Кеннеди и Буши), либо быть единственной политической традицией (Казахстан, Азербайджан). Еще в советское время самой мощной был земляческий фаворитизм (Брежнев потянул за собой цепочку из Молдавии и Днепропетровска, Куусинен – Андропова, Ельцин – уральских, Путин – питерских). При этом земляческие эскадроны захватывают и выборные и особенно невыборные правительственные и политические посты. Разумеется, это находит свое отражение и в фольклоре, в частности, в анекдотах:

– Алло, это Серега из Питера

– Ну, что ж вы так сразу с угрозою?

Родственно-земляческий фаворитизм особенно распространен на Кавказе: вслед за Хасбулатовым, Зурабовым, Нургалиевым и им подобными тянется отчетливый след их фаворитов и продвиженцев. По видимому, это – наследие династических традиций восточно-византийских империй, монархий и кня-

>>> заложил весьма прочное основание своего могущества: под его властью находилась вся Романья с герцогством Урбино и, что особенно важно, он был уверен в приязни к нему народа, испытавшего благодетельность его правления.

Эта часть действий герцога достойна внимания и подражания, почему я желал бы обновиться на ней особо. До завоевания Романья находилась под властью ничтожных правителей, которые не столько пеклись о своих подданных, сколько обирали их и направляли не к согласию, а к раздорам, так что весь край изнемогал от грабежей, усобиц и беззаконий. Завоевав Романью, герцог решил отдать ее в надежные руки, дабы умиротворить и подчинить верховной власти, и с тем вручил всю полноту власти мессеру Рамиро де Орко, человеку нрава резкого и крутого. Тот в короткое время умиротворил Романью, пресек распри и навел трепет на всю округу. Тогда герцог рассудил, что чрезмерное сосредоточение власти больше не нужно, ибо может озлобить подданных, и учредил, под председательством почтенного лица, гражданский суд, в котором каждый год был представлен защитником. Но зная, что минувшие строгости все-таки настроили против него народ, он решил обелить себя и расположить к себе подданных, показав им, что если и были жестокости, то в них повинен не он, а его суровый наместник. И вот однажды утром на площади в Чезене по его приказу положили разрубленное пополам тело мессера Рамиро де Орко рядом с колодой и окровавленным мечом. Свирепость этого зрелища одновременно удовлетворила и ошеломила народ.

Но вернемся к тому, от чего мы отклонились. Итак, герцог обрел собственных солдат и разгромил добрую часть тех войск, которые в силу соседства представляли для него угрозу, чем утвердил свое могущество и отчасти обеспечил себе безопасность; теперь на его пути стоял только король Франции: с опозданием заметив свою оплошность, король не потерпел бы дальнейших завое-